

Секция «Политические науки»

Этническая идентичность: инструмент власти или защитный механизм?

Носов Дмитрий Романович

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет политологии,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: dironos@gmail.com

В рамках современной российской этнополитологии отдается предпочтение конструктивистскому подходу к вопросу об этничности, как несомненно более детально проработанному методу, используемому в выдающихся научных трудах М. Вебера, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона. Примордиализм же во многом остается «менее научным» направлением, особенно в связи с многочисленными спекуляциями на тему древности тех или иных наций, ее природных свойств, исконных прав и т.д.

Тем не менее, удачно развивается и некое среднее направление исследований в данной области, использующее методы конструктивистов, но на более глубоком историческом уровне – т. е. в той области, где традиционно главенствовали примордиалисты. Таковы, например, исследования Венской исторической школы, занимающейся изучением протонациональных дискурсов в эпоху Средневековья [4, 23-31].

Главный раскол между примордиалистами и конструктивистами – это вопрос о становлении современных наций. Для первых они напрямую восходят к древним этническим общностям, например, племенам, для вторых нации – это порождения Модерна. Однако множество модернистских проектов по созданию нации оказались нежизнеспособными, тогда как другие проекты на редкость легко смогли сделать нацию из «поначалу наскоро собранного» населения [5, 110].

С другой стороны, известно, что вплоть до промышленной эпохи существовала большая разница между социальной и системной интеграцией общества [2, 501]. Население в основном проживало в сельской местности и образовывало небольшие социальные мирки, члены которых не обладали высокой мобильностью. В условиях неграмотного общества, обладающего весьма скудной информацией об окружающем мире, именно мобильные группы обеспечивали системную интеграцию, т.к. выступали главным носителем и накопителем информации. Для ее передачи и распространения не обязательно было проводить все время в движении, достаточно было того, чтобы твои маршруты (пусть даже ограниченные двумя поселениями) пересекались с маршрутами других таких же мобильных носителей информации.

Что касается статичного населения, привязанного к своему месту жительства (это касалось не только сельских жителей, но и многих горожан), то они, так или иначе, получали информацию именно от мобильных групп. Именно в представлениях мобильных групп (в первую очередь духовенства) начинают обретать свое смысловое наполнение страны, города и отдельные местности. Используя терминологию Бурдые, мы можем назвать эти процессы «стратегиями различения». Различая те или иные местности, мобильные группы выводили принципы их идентификации, создавая основу для национального дискурса.

Такой же процесс имел место в развивающихся странах в последние столетия, когда националистически настроенные активисты пытались «собрать» разные сообщества в

единое целое. Но, как мы знаем, большая часть этих попыток оказалась провальной. [6, 56-61]

Из этого можно сделать вывод, что «идентифицируемое сверху» население играло куда большую роль, чем ему приписывают, и не было таким уж «наскоро собранным». Фактически, в процессе коммуникации с широким спектром мобильных групп (монахами, торговцами, артистами и др.), оно вырабатывало свои модели взаимодействия с ними, и процесс идентификации был двусторонним.

Только когда население, в течение длительного времени разделенное границами своих небольших общин, было «перемешано» в казармах, университетах, на фабриках, в рабочих кварталах, начался длительный процесс его знакомства. Это породило многочисленные конфликты, что явно противоречило представлениям о единстве народа, которое уже сформировалось у образованных слоев общества, но не было окончательно принято самим народом. Как выяснилось, даже общность языка, культуры и религии не служили гарантом для безусловного принятия «другого».

Наиболее радикальной попыткой преодолеть это отчуждение был насаждаемый шовинизм, который ставил целью сплотить массы за счет ненависти к иноземному или классовому врагу [1],[7]. Однако де-факто, как и в Средние века, так и в Новое время, повседневным «другим» для этих масс были не удаленные, а как раз близкие «чужие» - военные командиры, начальники всех рангов, представители власти.

Современные нации сформировались так же, как и средневековые сообщества. Только если средневековые общины имели дело с мобильными группами, обладающими разными интересами, то современные нации всегда имели дело с государственной машиной, стремящейся эту нацию усовершенствовать. Именно общее для всех жителей государства давление «сверху» вызвало у них одинаковые реакции и стереотипы, тем самым обеспечив их единство.

Несмотря на то, что за последние десятилетия акценты в политике смещаются с государственно-национальных тем в сторону иной проблематики, любые действия властей (покуда принцип суверенитета является нерушимым) по-прежнему потенциально затрагивают всё общество, и в силу этого связь народа и государства (выраженная в понятии государства-нации) не может подвергнуться существенному изменению.

Переход к иному типу общества требует значительной реакции самих людей на какие-либо важные для них всех события. Как показывает мировой опыт, такими событиями чаще всего являются акты внешней агрессии или постоянного гнета. Такие угрозы существуют и уже породили ряд новых идеологических течений. Для антиглобалистов эти опасности связаны с ТНК, для феминисток – с властью мужчин, для «зеленых» - с источниками экологических проблем (тяжелой индустрией, вырубкой лесов и т.п.) [2] Уже сейчас участники этих движений в разных странах имеют некую общую идентичность, но она пока не столь широко распространена, чтобы подорвать устойчивость национального государства.

Литература

1. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004.
2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический Проект, 2005.

3. Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. – СПб.: Изд-во С.-Петербур ун-та, 2002.
4. «Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе: Средние века – Новое время. – М.: «Индрик», 2008.
5. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии. // М.: Логос, 2003. №4-5.
6. Nationalism, Ethnic Conflict, and Democracy. – Baltimore, 1994.
7. Stein A. A. The nation at war. Baltimore, 1980.